

Семья всероссийского масштаба

Российский детский фонд (РДФ) — старейшая в стране детская благотворительная организация. Недавно она отметила свое 25-летие.

Об итогах работы и планах на будущее говорит создатель фонда и его руководитель Альберт Лиханов.

Дети — наше завтра, в которое упираются все вопросы модернизации и реформ. После милосердия это главный резон, почему проблемы детства — важнейшие в государстве. Взявшись за перестройку в 1990-е, об этой простой истине забыли. Детские сады пошли с молотка, кружки и стадионы закрыты, учреждения культуры переведены на хозрасчет. Спустя годы, сильно нутужась, страна породила «Сколково», но работать в нем некому и незачем. Пора валить! За три десятилетия у нас выросло несколько поколений безотцовщины — неукорененных детей, лишенных основного Родителя — государства. Все это время о них заботились общественные организации, взявшие на себя роль «приемной семьи». Такой Семейей государственного масштаба с 1987 года является благотворительный фонд «РДФ», основанный Альбертом Лихановым.

— Альберт Анатольевич, когда фонд открылся, вы были «простым» писателем и журналистом. Как вышло, что вы возглавили такую структуру?

— Я ее не возглавил — я ее придумал. В 1960 году по окончании университета я работал в Кирове. К нам в газету пришла воспитательница из школы-интерната. Тогда у Н.С. Хрущева (Председатель Совета Министров СССР с 1958 по 1964 год. — Ред.) была идея всех детей учить в таких заведениях: пять с половиной дней они там, полтора — дома. Государство отвечало за проживание, питание, учебу, спорт, занималось развитием ребенка. И вот эта воспитательница говорит: «Всех в субботу уведят родные, а 50 детишек из детского дома никто не берет. Они стоят и смотрят, как другие расходятся. В глазах слезы». Мы все, молодые журналисты, прониклись, напечатали письмо. В следующие выходные в школе очередь — детей раздали, даже не хватило. Почин поддерживали, и так продолжалось год. А по его окончании выяснилось, что усыновили только двоих. Это был типичный человеческий

порыв — сделать доброе. Многие так поступают. Но проблема в том, что есть одно таинство у добра. Оно не может быть краткосрочным, добро должно быть вечным. Когда детей стали забирать, я был уверен, что благодать наступила. На самом деле — все опрокинулось.

Я это хорошо запомнил, и всю свою молодую журналистскую жизнь, путешествуя по стране, работая в Сибири, заходил в интернаты, Дома ребенка. И я увидел, что у нас с этим глобальное бедствие.

— Оно не сейчас обозначилось — еще тогда?

— В те годы в Советском Союзе было 1 млн 200 тыс. детей-сирот и детей, лишенных родительского попечения. И дела их складывались неважно. Когда-то ими всерьез занимались. В эпоху Дзержинского детей сняли с улиц, дали образование, пустили в жизнь. То же было в войну. Тогда вывозили огромное число детей в эвакуацию. К нам в Кировскую область, откуда я родом, только из Ленинграда прибыло около 40 тыс. ребятишек. Их разместили в деревенских домах и школах. Где учились, там и жили. Но в годы войны, по известным мне подлинным сведениям, первые секретари обкомов партии начинали рабочий день в 6 часов утра с вопроса: «Есть ли что на завтрак этим детям? Дрова, чтобы натопить печки? Кто с ними? Есть ли учебники?» Тетрадок не было, писали на газетах. Но тогда государство справлялось — позже об этом позабыли.

— Позже — это когда? Или забвение шло постепенно?

— Эта эпоха наступила с приходом мнимого благополучия, когда люди стали разъезжаться из коммуналок. Я посетил десятки сиротских заведений. Типовая спальня — 40–50 детей. Я видел целые залы, уставленные кроватками. И я стал спрашивать людей, которые за это отвечают, в том числе в Министерстве просвещения СССР: что происходит? Война окончилась, а у нас детей-сирот больше, чем после войны. Я говорил: надо что-то делать, это край. Дети-сироты, вообще-то, могут быть кадровым резервом государства. Человек, у которого ничего нет, будет самым лояльным гражданином, если дать ему шанс, обласкать.

**Саша
КАННОНЕ**

PHOTOXPRESS

PHOTOXPRESS

И вот в один прекрасный день генсеком у нас стал Черненко, а его помощником — мой приятель, Виктор Прибытков, честь ему и хвала. Он мне звонит и говорит: «Куда ты пропал? Давай пиши свою записку по сиротству». Я на другой же день принес записку из 48 пунктов. Еще через день он звонит опять: «Я тебя поздравляю. Есть поручение генсека подготовить постановление ЦК и Совмина».

И действительно, с большим трудом, но в 1985 году было принято постановление «О помощи детям-сиротам». А еще через два года, уже при Горбачеве, у нас состоялась серьезная беседа с Н.И. Рыжковым (Председатель Совета Министров СССР с 1985 по 1990 год. — Ред.) на 3 часа 40 минут. Таких встреч по длительности у него не было ни с одним министром. Мы говорили о детстве как основании всего. Сегодня они дети — завтра взрослые. Это основа народа, основа государства. В конце 1940-х — начале 1950-х в России было 678 тыс. послевоенных детей-сирот. Какая была тогда установка? За уши всеми способами тащить в высшее образование. Получить диплом для такого человека означало все, становилось оправданием его жизни. Схема была отработана. Если у ребенка хватало пороха окончить 10 классов и сдать экзамен, его принимали с тройками и вне конкурса — то есть высшее образование ему гарантировалось. При этом общежитие было бесплатным, плюс стипендия. А когда он заканчивал вуз и приезжал работать на завод, он был вне очереди на получение квартиры. Этим людям действительно была дана преференция во всем, и у них складывалась судьба.

Здание Российского детского фонда в Армянском переулке — бывшая родовая усадьба поэта Тютчева.

О зарубежных контактах РФ рассказывает сын Альберта Лиханова, журналист-международник **ДМИТРИЙ ЛИХАНОВ**:

«РФ является членом неправительственной организации ЭКОСОС (Комитет по экономическому и социальному сотрудничеству ООН) и принимает участие в мероприятиях ООН в Женеве и Нью-Йорке. Мы активно работаем с Китайским детским фондом ССТФ. Это благотворительная организация, возглавляет ее вице-премьер правительства КНР. Но это не просто бюджетная организация. С ней сотрудничают и частные компании, по преимуществу западные — Американская торгово-промышленная палата в Китае, Fillips, Procter & Gamble и др. Конечно, для западных фирм это способ лоббировать свои интересы, ведь во главе ее — вице-премьер. Производители поставляют в Детский фонд товары

или деньги, и это помогает решать проблемы. Тематика у них та же, что и у нас: помощь больным детям и сиротам. Но там работают огромные деньги. Например, на программу одной провинции они потратили \$500 тыс. Что-то дала сама провинция, основные средства внесли западные компании.

В Японии тоже есть национальная детская благотворительная организация, и с ней у нас давние отношения. Возглавляет ее Дайсаку Икеда — человек, создавший ее после войны, после того, как попал в плен и отсидел в тюрьме. Эта организация имеет отделения во всех префектурах Японии и насчитывает 12 млн человек. Она очень богатая и влиятельная. Каждый ее член 10% своей зарплаты перечисляет на ее счет. Но это религиозная организация, а религия делает людей более отзывчивыми и сплоченными».

— **А сколько у нас таких детей?**

— В Российской Федерации — 750 тыс.

— **Больше, чем после войны. А страна меньше... И как они живут? В каком состоянии детдома сегодня?**

— Что сказать... Пока там поят и кормят. Если дом типовой, то на двух детей приходится один сотрудник, но если это заведение для детей с недостатками развития, такое соотношение будет 1:1. В общем, дорого это государству. И вот не так давно оно решило на сиротстве экономить

и финансировать его не из федерального бюджета, а из регионального. В результате многие губернаторы теперь детские дома закрывают, а детей передают в приемные семьи. При этом, если семья берет сиротку, она получает деньги на его содержание и вознаграждение, размер которого зависит от региона. Например, в Москве дают 15 тыс. в месяц на ребенка, и 15 тыс. получает мать. 30 тыс. — это тысяча долларов, не так мало. Но в регионах другой порядок выплат. В иных дают 5 и 5 тыс. Да, это экономия, но, на мой взгляд, она кончается плохо. Мы-то сразу предупреждали, что нужно не так это делать, а как сделал наш фонд в 1988 году. Тогда мы пробили союзное постановление «О детских домах семейного типа». Это означало следующее. Семья принимает детей, но не меньше пяти-рых, и тогда возникают отношения с государством, которое за них отвечает и выделяет на них столько же, сколько тратит в детском доме. А мать получает зарплату старшего воспитателя — меньше, чем сейчас (сейчас платят за каждого приемного ребенка, то есть зарплата будет пять раз по 15 тыс.). Вот это экономия! И у меня есть примеры такой экономии. Есть Надежда Константиновна Захарова из Саратова. Врач-гинеколог, благополучная женщина, четверо своих детей. Работая в роддомах, она видела брошенных младенцев — и взяла пятерых, а потом еще двоих. Семеро плюс четверо своих — 11 детей! И всех подняла. Прошло время с 1988 года, мы видим отдаленный результат. Она взяла кредиты, построила двухэтажный дом, и в этом доме у каждого из 11 детей есть своя комната. Вот женщина — посвятила себя детям, взяла сирот. И таких семей в России стараниями нашего фонда было 368. В общей сложности мы вытянули из сиротских казенных заведений более 4 тыс. детей.

— **С начала этой программы прошло четверть века. Сегодня у вас 74 региональных отделения и тысячи волонтеров по всей стране. Это огромная структура. Как удалось ее развернуть? Кто вам помогал?**

— Когда мы открывались, у нас банк был только один, всенародный, — Сбербанк. Едва было принято решение об учреждении фонда, я пошел и открыл счет. Долго думал, как его назвать, и выбрал цифру 707. Первую тысячу рублей внесли мы с женой. За все время нашего существования, за 25 лет, мы не получили ни одного бюджетного рубля, и все благотворительные взносы шли через счета банка. Можно было перевести рубль, полтора, но речь шла,

без преувеличения, о сотнях тысяч и миллионах людей, которые откликнулись на создание фонда.

Сбербанк сыграл историческую роль. И конечно же, ни о каких комиссионных, ни о каких процентах за перечисление этих денег никто не говорил, никто у меня ничего не спрашивал, не требовал никаких бумажек. У нас ведь первое время и адреса не было. Потом комсомол дал нам несколько номеров в гостинице «Юность», и мы жили там, пока в ноябре 1987 года не получили здание, в котором находимся и сегодня. Тогда это были руины, и полтора десятилетия мы занимались их реставрацией. А это, между прочим, родительская усадьба Федора Ивановича Тютчева. Мы не сразу об этом узнали, а узнав, решили воссоздать ее исторический облик.

— Расскажите о своих первых программах.

— В 1987–1991 годах мы собирали больше средств и проводили мощные государственные проекты. В те годы в Советском Союзе была уйма Домов ребенка. Там на двух нянечек полагалось 20 детей. Это бред. Мы собрали деньги, чтобы во всех домах было по крайней мере две нянечки на 10 детей. Это и было нашим первым проектом. В 1989–1991 годах мы реализовали программу борьбы с младенческой смертностью в Средней Азии и Казахстане. Министр здравоохранения Чазов подписал тогда приказ об отправке туда медицинского десанта. Врачи шли на это охотно — работа хорошо оплачивалась. Какое-то время спустя я поехал в Эстонию, пришел в республиканскую детскую больницу, меня встречают врачи и говорят: «Мы ваши «десантники». А вот одна у нас там «подцепила» гепатит В». — «Вы жалеете, что поехали?» — «Ну что вы! Мы помним имена детей, которых спасли от смерти!»

— Итак, вашим главным союзником был административный ресурс.

— Народ, в том-то и дело! Идея десанта родилась у нас с Министерством здравоохранения, но осуществляли ее всем миром. Вы представляете себе, что такое профинансировать командировки, проезд, проживание 2,5 тыс. людей? А суточные, полевые, эпидемиологические... Все это было сделано за счет народных средств. Вскоре после образования фонда случилось землетрясение в Армении. На следующий день Н.И. Рыжков улетел туда, а через сутки мы уже пригнали свой самолет.

— У вас был самолет?

— Дали военные — Ил-96, транспортный борт.

— Получается, вы стали прообразом МЧС?

— Мы, кстати, и готовились выполнять программы спасения детей в условиях чрезвычайных ситуаций. И были заключены договоренности, и заказан Ил-96 на Ташкентском заводе. Он стоил 10 млн руб. Мы уже приготовили деньги и закупили медицинское оборудование, с которым прямо в самолете можно оперировать. Но рухнула наша государственная система.

— Тем не менее программы РФД проводятся по сей день. Сегодня их около 30?

— Говорить о 30 программах не совсем верно. Это то, что мы разработали, алгоритм действий. Но каждый регион выбирает необходимое. Иногда программу предлагают с мест, а мы ее делаем всероссийской. Например, глава нашего отделения в Амурской области Маина Николаевна Спицина придумала программу «Коровье стадо», в рамках которой находила спонсоров,

РИА «НОВОСТИ»

1989 год. Школьники из Орджоникидзе — бывшие заложники бандитов. Встреча с писателем Анатолием Лихановым.

покупала коров и дарила их бедным сельским семьям, при условии, что первая родившаяся телочка будет передана следующей семье. И другие отделения фонда за это взялись. На сегодня по всей России передано уже более тысячи коров. Это и есть та самая «борьба с бедностью», о которой говорит Путин. Вот как нужно поддерживать: давать импульс, а дальше — сами. Одна из последних по времени наших программ — «Детский туберкулез». Тема актуальная. В стране ежегодно заболевают 270–280 тыс. детей. В зоне риска — 800 тыс. Это дети, предрасположенные к болезни и выздоравливающие.

Они лечатся в тубдиспансерах, а долечиваются в специальных санаториях. В них и школа, и спорт, и досуг, и питание, но они, как и детские дома, сильно подзабыты. Вот это «опущенное» финансирование из центра в регионы опять делает их аутсайдерами. Им не лучшее достается, а остатки от «взрослых» статей. Дети там живут по полгода. Все из бедных семей. Вручив им однажды котомочку с имуществом, родители, как правило, к ним не приходят. У них изнашиваются носки, трусы, майки, и первое, чем мы заняты, — это детским нижним бельем. В Кировской области есть санаторий для таких детей, я там не раз бывал. Это дети вполне нормальные, есть папы и мамы. Но вот девочка рассказывает — прислала нам письмо. Мать — доярка, папа — тракторист. Он работает, не алкаш. Но этот папа три года не получает ни рубля, и ему не на что эту девочку обуять! А туберкулез чаще всего и начинается с простуд, плюс ослабленное питание и плохая одежда. Все это нас тревожит, и мы начинаем поддержку таких детей. Нам уже удалось наладить полное обеспечение двух школ

Банковские реквизиты Российского детского фонда:

Получатель: ООБФ «РДФ»

Банк получателя: Сбербанк России ОАО
г. Москвы

Расчетный счет:

40703810338000110176

Кор. счет: 30101810400000000225

БИК: 044525225

ИНН: 7701014068

КПП: 770101001

Назначение платежа: благотворительный взнос (указать программу)

Электронная почта: madf@yandex.ru

Сайт: www.detfond.org

и двух санаториев Нижегородской области, где проживают порядка 500 детей. Как раз сейчас идут закупки.

— Если сравнить эффективность вашей работы по части сбора средств, когда суммы были больше — сейчас или в первые годы существования фонда?

— Это несравнимо. Сумма пожертвований в период 1987–1991 годов составляла \$112 386 210, а в 2007–2011 — \$76 618 402. И это не потому, что мы стали хуже работать. Небогатые люди стали беднее, а нас поддерживают именно они. Кроме того, сегодня три человека могут создать фонд! Сейчас уйма таких фондов, и деньги «растаскиваются». Еще есть корпоративные фонды — тот же «Подари жизнь», который избрали за образец. Проблема, которой они занимаются, важна, но ее ведь решают за счет бюджета. Путин построил центр, оборудование купило государство, Сбербанк выпустил карточки. А нам для наших программ не дали никаких льгот, и люди со своих копеечных взносов платят комиссионные Сбербанку.

— Работа благотворительных фондов давно отлажена в большинстве стран. Где, на ваш взгляд, она складывается наиболее удачно?

— В мире самая развитая благотворительная структура создана в США. Там до 25% доходов гражданина может быть передано на благотворительность. При этом пожертвования освобождаются от налогов. Мне доводилось сотрудничать с американцами. В рамках совместной программы мы прооперировали в США 880 российских детей. Это операции на открытом сердце — у нас, кстати, такие тоже делают. Но с американскими расходными материалами. Производить их в России не дают, они защищены авторскими правами. Их можно только купить в готовом виде за \$5 тыс. В США у нас был партнер, который собирал эти 5 тыс. Работа хирургов там тоже оценивалась, но считалась благотворительным взносом, и на эту сумму врачи освобождались от налогов. А 880 операций — это приличные деньги, поверьте.

— Значит, главная проблема российских детей — бедность. Не хватает не только на операцию, но даже на белье.

— Я бы сказал, не бедность, а классовое расслоение. Оно сейчас как-то особенно бесстыдно. Одни дети

Владикавказ, госпиталь для раненых. Конфликт в Южной Осетии 2008 года.

Передача гуманитарного груза РФ пострадавшим во время осетинского конфликта 2008 года.

не понимают чужой боли, потому что у них все есть. Это самое страшное, потому что сострадание — это божеское чувство, и человек, которому оно незнакомо, многого лишен. А в других вырастает сначала зависть, а потом социальная ненависть. Мне кажется, эти процессы не то что искусственно нагнетаются, но им ничто не препятствует. Дети, вообще, на мой взгляд, равны. Когда-то я выступал против формы в советской школе. А теперь я «за». В советское время равнять было нечего, а сейчас, я считаю, нужно социальное выравнивание хотя бы с этого начинать. Пусть будет, как в Японии: все дети одинаково одеты. Хотя сейчас и на форму-то не у всех есть. Каждый август благотворительные фонды начинают с подготовки портфелей для детей, которым не с чем пойти в 1 класс. Мы тысячи комплектов покупаем и раздаем! А если говорить о богатстве, то мои герои — это Баффет и Гейтс, отдавшие на благотворительность миллиарды. Баффет говорит: «Одному Бог дал играть на инструменте, другому — писать картины. А мне — делать деньги. Почему я должен считать их своими? Они принадлежат всем». Мне кажется, наши олигархи если не пришли к этому, то обязательно придут. Потому что иначе все превращается в бессмыслицу. С чем человек пришел в этот мир — с тем и уйдет. Заработали большие деньги — отдайте часть детям.

— Деньги разве не пахнут?

— Когда для себя — пахнут, а когда для других — очищаются. Вот у меня сейчас на очереди туберкулезный санаторий в Магадане. Давайте их в Магадан! А есть еще дети, больные одновременно туберкулезом и СПИДом. В стране острейшая необходимость построить для них закрытый санаторий. Это говорят профессионалы, специалисты по этому диагнозу. Таких детей у нас несколько тысяч! Причем строить новый не надо — можно выбрать из того, что есть, оснастить и отдать в управление государству. В США богатые на такие вещи не скупятся. Там многие университетские корпуса, больницы украшены золотыми табличками с именами. Я удивлялся: «Кто они? О таких врачах и ученых я не слышал». А потом узнал, что это спонсоры, на чьи деньги построены эти здания.

ИТАР-ТАСС

— Мне кажется, нашим богатым просто не объяснили, что в жизни главное, а что нет. Давно не объяснили, родители. У вас есть программы подготовки молодых пап и мам?

— Я думаю, этим должны заниматься все. В регионах теперь свои министерства или департаменты образования, институты усовершенствования учителей, пединституты, и еще, и еще. Полно народу, который на свою зарплату должен такие программы проводить. Но не проводит.

— А вообще, как велика может быть вовлеченность государства в дела семейные? Западная ювенальная юстиция как образец такой вовлеченности, на мой взгляд, проблему только усугубляет.

Патриаршая елка 2003 года в Москве. По благословению Патриарха Алексия II РДФ «вручает» автобус отцу Николаю Стренскому из села Сорокташ (Оренбургская область).

Будучи бездетными, священник Свято-Троицкого храма села Сорокташ отец Николай Стренский со своей матушкой усыновили 25 сирот и еще 25 взяли на воспитание.

— Конечно, я тоже боюсь ювенальной юстиции, которая к нам лезет и в которой разобраться будет трудно. Тому пример недавний случай в Финляндии — с мамой из России, у которой забрали четверых детей. Но для финнов семья, дети — государственный приоритет. Я видел, как работают их семейные детские дома. На обычного ребенка там положено 232 евро в день, на ребенка с инвалидностью — 262 евро (напомню, в Москве дают 15 тыс. руб. на ребенка в месяц, в регионах — 5 тыс.). В финском детдоме каждый ребенок имеет по комнате. Заведение, где я был, — дом в лесу. Детей возят в школу на автобусе, а одна девочка занимается музыкой в другом населенном пункте. Ее каждый день отправляют

на такси. Эти расходы также оплачивает государство. Семье дают все, чтобы не было никаких проблем с детьми.

— Минувший год прошел под знаком социальной активности. Тысячи людей вышли на улицу. Большая их часть — поколение 1990-х. Тогда всем было ни до чего, и страна профукала свою молодежь.

— Да, потеряны поколения, и не только 1990-х, но и следующих за ними нулевых. Это оборачивается страшной проблемой детского и юношеского суицида. Чтобы ее решить, российской молодежи надо вернуть то, чем она всегда обладала: интерес к жизни и возможность его реализовать. Ребенок любопытствует всегда, готов все пробовать, а делать это ему негде. Детский мир в России ограблен. Я дитя войны. Но у нас были Дома пионеров, кружки, спорт. Я, например, много лет ходил на станцию юных техников. Ребята занимались в модельных кружках, потом поступали в Авиационный институт, военные училища и т.д. Детский досуг будил профессиональный интерес, интерес реализовался в образовании, детская занятость рождала занятость взрослую, не было безработицы и кадрового голода, как сейчас. Надо вернуть этот порядок! Еще я ходил в две спортивные секции — на легкую атлетику и лыжи, был председателем школьного совета физкультуры. Моя родина, Вятская губерния, дала стране первого советского олимпийского чемпиона по биатлону — Владимира Меланина. В 1964-м мы слова-то этого еще не слышали, биатлонной трассы не было, а он стал первым! Сейчас в нашем городе ничего подобного не увидишь. В России тысячи детских спортивных школ закрыты. Страна холодная, а массового лыжного спорта нет. Дети предоставлены себе, проблема досуга не решена. Вот наши семейные детские дома этим занимаются. Например, «Николенька» в Краснодарском крае. Там около 30 детей, и все играют в духовом оркестре. Папа там главный, мама барабанит.

Они не музыканты — мелиораторы, но они это сделали, чтобы все дети были заняты и были вместе. Вместе и заняты — как просто! И на огороде — вместе, и в балетной школе, и на рыбалке. У нас такие детские дома есть потрясающие!

— Расскажите о своей семье.

— Родители мои самые простые. Мама — лаборант, отец — слесарь. Детей было двое — я и брат. Нашим воспитанием занимались бабушка и мама. И еще школьная учительница — Аполлинария Николаевна Тепляшина. Она прожила 96 лет, из которых 70 проработала в начальной школе. А учитель в начальной школе тогда был все. Она преподавала все предметы — чтение, математику, музыку, рисование, то есть была просто дублером семьи с утра и до окончания занятий. В 1949 году она получила второй орден Ленина — за выслугу лет. Тогда за ордена давали деньги, но она говорила, что не считает возможным тратить их на себя, и покупала единственное, что продавали без карточек во время войны, — витамин С. И вот каждое утро она эти шарики на ложечке серебряной нам давала. Каждому в рот. А рядом стоял дежурный с чашкой, в которой она эту ложечку полоскала. Когда витаминки кончались, она заваривала хвою. Этим она спасла нас от цинги. Я в Кировской области учредил премию ее имени для учителей начальных школ. Таких людей нужно помнить. ■